

Дворец Чаофэн, где проживала императрица Хэ, находился довольно близко к покоям Юнъань. Впрочем, близость в императорском дворце для простых смертных измерялась совсем иными мерками, нежели в обычной жизни.

Миновав внутренние покои, Цзиньшань взошла на паланкин, предназначенный исключительно для великой принцессы. Помимо нянюшки Цзо, её сопровождали две старшие служанки первого ранга из дворца Юнъань, а также пара десятков младших служанок и около десятка евнухов.

Цзиньшань ещё не успела добраться до дворца императрицы, как один из шустрых евнухов уже доставил весть о её прибытии.

В тот час императрица Хэ ещё не ужинала. Утомившись за день, она полулежала на кушетке, отдыхая. Услышав доклад слуг о том, что принцесса Юнъань пожаловала в гости, императрица, до этого дремавшая с прикрытыми глазами, тут же их распахнула.

— Юнъань, — тихо прошептала она имя дочери, и на её усталом лице промелькнула тень облегчения.

Императрица поманила к себе старшую служанку:

— Жуи, ступай сама на императорскую кухню. Пусть к сегодняшнему ужину добавят несколько блюд, которые любит принцесса.

Жуи знала, как сильно госпожа души не чает в своей дочери. Она полагала, что после обязательного ежемесячного визита, состоявшегося всего шесть дней назад, принцесса в этом месяце больше не появится, но та пришла снова. Конечно, это не могло не порадовать императрицу. Жуи с улыбкой ответила:

— Слушаюсь, госпожа. Не беспокойтесь, я сейчас же отправлюсь на кухню и прослежу, чтобы всё приготовили как надо.

Жуи уже собралась уходить, но императрица окликнула её снова. Понимая, как важно для госпожи угодить старшей дочери, Жуи остановилась и с улыбкой спросила:

— У вас есть ещё какие-то распоряжения?

Императрица Хэ строго посмотрела на неё:

— Ты точно помнишь, какие блюда любит Юнъань?

Оказалось, что госпожа просто опасалась ошибки. Жуи, невольно улыбнувшись, ответила:

— Госпожа, я помню всё в точности. Принцесса любит всего пять блюд: ледяной десерт из лотоса, суп из белого нефрита и овощей, утку в золотисто-серебристой глазури, кунжутные паровые хлебцы и миндальные печенья в форме пальцев Будды.

Во дворце все знали, что принцесса Ли Цюань отличается бережливостью, знанием правил и постоянством. С тех самых пор, как она начала разбираться в еде, её вкусы не менялись уже больше десяти лет. Императрица действительно напрасно волновалась — даже самая простая служанка во дворце знала эти пять любимых лакомств принцессы наизусть.

Выйдя из внутренних покоев, Жуи поспешила на кухню в сопровождении нескольких слуг. По пути она встретила Цзиньюй, которая как раз возвращалась с готовыми блюдами. Будучи старшими служанками при императрице, они были в хороших отношениях и обменялись приветствиями. Узнав, что пришла принцесса и нужно добавить её любимые угощения, Цзиньюй не удержалась от восклицания:

— Императрица так любит принцессу! Как было бы хорошо, если бы она навещала нас почаще.

Жуи полностью с ней согласилась:

— И не говори! Ты бы видела лицо госпожи, когда она узнала о приезде принцессы — оно сразу просияло.

Жуи огляделась по сторонам и добавила шёпотом:

— Госпожа ведь сегодня была в расстроенных чувствах из-за того, что император снова отправился к госпоже Чу. А теперь, когда принцесса разделит с ней ужин, настроение у неё заметно улучшится. Пусть во всех остальных дворцах те, кто ждал зрелищ, остаются ни с чем!

Цзиньюй была того же мнения, и они понимающе улыбнулись друг другу. Попрощавшись, Жуи поспешила по своим делам.

Императорская кухня располагалась ближе всего к покоям императора, но и до дворца императрицы было недалеко. По сути, это была личная кухня императора, и никто, кроме императрицы, не имел права ею пользоваться. Наследный принц формально тоже мог, но обычно воздерживался, чтобы не давать поводов для сплетен о своей чрезмерной спешке занять трон.

Обычные принцы и принцессы, достигнув определённого возраста, получали свои дворцы с собственными кухнями. Те же, кого воспитывали высокопоставленные наложницы или сама императрица, пользовались кухнями своих покровительниц. Император иногда жаловал блюда со своего стола наследнику, любимым сыновьям или сановникам, но принцессы, знатные дамы и вдовствующие наложницы зависели от милости императрицы. В отличие от спонтанных подарков императора, дары императрицы подчинялись строгому этикету: их подносили в праздники, в конце месяца или в дни рождения.

Если же этих людей вызывали во дворец императрицы, то в лучшем случае их угощали чаем и закусками, которые, хоть и считались императорскими, были лишь символическим жестом. Однако принцесса Юнъань была исключением — исключением, которое молчаливо признавал сам император. Она могла приходить во дворец Чаофэн когда угодно и наслаждаться любыми деликатесами с императорского стола.

Когда паланкин принцессы приблизился к воротам, их уже открыли, и слуги почтительно расступились. Паланкин плавно въехал во двор.

Нянюшка Цзо сама откинула занавесь:

— Принцесса, мы прибыли во дворец Чаофэн.

Жуи, едва успевшая вернуться с кухни, тут же вышла встречать гостью. Сделав глубокий поклон, она произнесла:

— Принцесса, императрица ждёт вас внутри. Прошу, проходите.

Цзиньшань вошла в главный зал. Это был второй раз, когда она видела императрицу после своего попадания в этот мир. В первый раз она была совершенно растеряна, и когда нянюшка Цзо спросила, не хочет ли она навестить императрицу, Цзиньшань согласилась, не раздумывая. Тот визит прошёл как в тумане: поклон, чай, возвращение — она почти не запомнила лица императрицы Хэ.

Теперь же, хотя она всё ещё не до конца привыкла к новой жизни, былой паники уже не было. Она присмотрелась к императрице: та выглядела уставшей, кожа уже не сияла свежестью юности, а у уголков глаз пролегли заметные морщинки. В конце концов, императору было сорок два года, а императрице Хэ — тридцать пять.

— Приветствую матушку, желаю вам долголетия и здоровья, — произнесла Цзиньшань.

Императрица поспешно подняла её и велела служанкам принести стул. Когда принцесса села, императрица обратилась к свите:

— Ступайте, оставьте нас. Пусть останутся только Жуи и Цзиньюй.

После того как чай был подан, все лишние люди, включая служанок Цзиньшань, удалились в боковой зал. Возле них остались лишь доверенные служанки императрицы и нянюшка Цзо.

— Цюань-эр, что заставило тебя прийти сегодня? — без свидетелей императрица предпочла использовать детское прозвище дочери.

— Соскучилась по вам, вот и пришла, — ответила Цзиньшань, отпивая чай.

Возможно, дело было в кровных узах, но после того, как ушло напряжение первой встречи, императрица показалась ей необычайно близким человеком. В конце концов, дочь, скучающая по матери — самое естественное, что может быть на свете.

Слегка улыбнувшись, Цзиньшань поставила фарфоровую чашку на столик и, взглянув на императрицу, с глубокой тревогой в голосе спросила:

— Матушка, вы выглядите утомлённой. Вас что-то беспокоит?

<http://bllate.org/book/19590/1921562>